

Глава 11. Хозяин Терема, подпирающего небеса

Никто и помыслить не мог, что глава Терема, подпирающего небеса, окажется таким человеком.

Старик, едва не рассыпающийся в прах. Он выглядел ещё более дряхлым, чем сам Сюй Бусю.

В таком почтенном возрасте людям положено встречать закат в покое, наслаждаясь тихим счастьем в кругу семьи. Им не пристало лелеять великие замыслы и, подобно ненасытному зверю, воздвигать огромные, опутанные тайнами союзы. Подобную империю — жадную до власти и влияния — мог вздвигнуть лишь человек зрелый, полный огня и амбиций.

Но из каждого правила бывают исключения.

И хозяин Терема, восседавший в главном зале на кресле, украшенном резьбой в виде приносящего удачу цилиня, был именно таким исключением.

— Наслышан о вашем величии, — улыбнулся он. — Сегодняшняя встреча подтверждает: вы и впрямь выдающиеся люди.

Лу Сяофэн замер, едва не разинув рот от удивления. Изумление — плохой спутник вежливости, но он знал правила приличия. Вместе с Хуа Маньлоу он ответил на приветствие чинным поклоном.

— По совести говоря, мне следовало принять вас ещё вчера, — продолжал старик. — Но обстоятельства вынудили меня отлучиться. Прошу простить за столь запоздалый приём.

— Увидеть главу Терема воочию — уже большая честь, — в унисон ответили друзья.

Лицо старика было примечательным: узкое в висках и широкое в скулах. Возраст лишь подчёркивал его ауру человека необычного, наделённого мудростью небожителя.

— Старик Сюй уже доложил мне о случившемся, — промолвил хозяин Терема. — Я отдал распоряжение: никто в моём ведомстве не посмеет чинить препятствий молодому господину Хуа.

Он внезапно вздохнул:

— Очевидно, что не вы нанесли тот подлый удар. Кто-то намеренно пытался очернить ваше имя.

— И всё же это случилось из-за меня, — отозвался Хуа Маньлоу. — Мне искренне жаль.

— В таком случае у меня есть просьба. Прошу вас, господин Хуа, обдумайте её.

— Говорите, глава.

— Мой Терем ещё молод. Несмотря на некоторое влияние в поднебесной, врагов у нас предостаточно. Всего за один день я лишился двоих верных помощников, и сердце моё обливается кровью. На вас же пала тень подозрения. Помогите нам докопаться до истины. Найдите истинного убийцу, отомстите за моих братьев — и тем самым очистите имя семьи Хуа от этой несправедливой клеветы.

— Это мой долг, — твёрдо ответил Хуа Маньлоу. — Можете на меня рассчитывать.

Лу Сяофэн тихо вздохнул про себя.

Верил ли им старик на самом деле или нет — не имело значения. Хуа Маньлоу уже вошёл в эту игру. Если бы глава не поверил, Хуа пришлось бы искать убийцу, чтобы спасти честь семьи. Если глава поверил — тем более нужно искать виновного, чтобы свершить правосудие.

Раз уж всё равно придётся это делать, почему бы не сделать это красиво? Глава Терема явно был мастером по части красивых жестов. И делал он только то, что выглядело безупречно.

— Я всегда считал, что неприятности влюблены в Лу Сяофэна, — усмехнулся он. — Но сегодня они, похоже, решили навестить и почтенного главу. Я обожаю совать нос в чужие дела, а проблемы брата Хуа — это мои проблемы.

Так он втянул в это дело и себя.

— С помощью Лу Сяофэна истина восторжествует гораздо быстрее, — рассмеялся старик. — Слухи об игорном доме «Серебряный крюк» и Помесье призраков дошли и до моих ушей. Ваша находчивость и отвага не знают равных.

— Вы льстите мне, — отмахнулся Лу Сяофэн. — Просто я вечно притягиваю к себе невзгоды.

— Говорят, Лу Сяофэн превыше всего ценит вино «Бамбуковая зелень», — сменил тему глава. — Я приготовил добрый запас в ожидании вашего визита. Пусть кругом суета, но вино само себя не выпьет.

Он махнул рукой. Трое слуг осторожно внесли огромный жбан из чёрного фарфора — величиной с добрую лохань. Приблизившись, они обменялись быстрыми взглядами и внезапно, отбросив всякую осторожность, дружно подбросили тяжеленный сосуд в воздух.

Жбан, крутясь, полетел прямо на Лу Сяофэна. Грохнись такая махина на человека — раздавила бы в лепешку, а вино бы просто залило пол.

Лу Сяофэн едва заметно шевельнул носком сапога и взмыл ввысь, перехватывая жбан в полёте. Сосуд оказался тяжелее, чем он ожидал — добрых сто цзиней. К счастью, Лу всегда был готов к сюрпризам. Одной рукой он обхватил тулово, другой изящно подхватил горлышко, словно держал обычную чашу.

Когда он коснулся земли, жбан стоял в его руках неколебимо. Даже восковая печать на крышке не треснула.

— Доброе вино! — воскликнул Лу Сяофэн. — Я ещё не сделал ни глотка, но аромат уже кружит голову. Это манит сильнее, чем восьмидесятилетняя выдержка из «Сна небожителя».

— Отличная хватка! — похвалил старик. — Прошу, отведайте.

С этими словами он небрежно щелкнул пальцем в воздухе. Глиняная печать, будто тонкий листок бумаги под порывом ветра, плавно отлетела в сторону. Она не разбилась в пыль и не рассыпалась осколками — просто исчезла с горлышка.

«Мастерское "Божественное мастерство щелчка пальцем", — отметил про себя Хуа Маньлоу. — Этот удар не уступит мастерству главы Юй Фэна с горы Башань и уж точно превосходит технику господина Цзянь Эра из северо-западных земель».

Мастеров, способных породить порывы ветра внутренней силой, немало. Но тех, кто умеет управлять этой силой столь ювелирно, можно пересчитать по пальцам. Причём Юй Фэн и Цзянь Эр посвятили этой технике десятилетия жизни. А этот старец двигался так легко, словно отгонял назойливую муху.

— Ваше «Божественное мастерство щелчка пальцем» поистине совершенно, — признал Лу Сяофэн. — Я поражён.

— Вряд ли он сравнится с твоим «Указующим перстом Линси», — скромно заметил глава.

По его знаку слуги поднесли две огромные чаши.

— Угощайтесь. Это «Бамбуковая зелень» полуторавековой выдержки, которую я разыскал в провинции Шаньси. Творение самого отшельника Циньи. Вино томилось в тайном погребе, и другого такого в мире нет. Третьего жбана не существует.

— Третьего? — переспросил Лу Сяофэн.

— С тех пор как я откопал этот клад, один жбан я выпил сам, — рассмеялся старик. — Второй перед вами. Третьего во всей поднебесной не сыскать.

— Выходит, глава тоже знает толк в хорошей выпивке! — Лу Сяофэн потянулся к жбану, чтобы наполнить чаши, но рука Хуа Маньлоу преградила ему путь.

— Брат Лу, как ты думаешь, много ли вина в этом сосуде?

— Разве не целый жбан?

— И да, и нет, — улыбнулся Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн присмотрелся. Жбан был огромен, но вина внутри оказалось гораздо меньше, чем можно было ожидать. Сосуд не был полым внутри — он представлял собой массивную чашу, под горлышком которой скрывался небольшой резервуар обычного объема.

— Странно, — озадачился он. — Когда я поймал его, мне показалось, что он до краев полон вина. А теперь вижу, что каждая капля здесь на вес золота.

— Этот жбан отлит из особого чёрного фарфора, — пояснил хозяин Терема. — Снаружи — светлая глазурь, внутри — «текучая керамика». Это искусство ныне утрачено. Такой фарфор «вскармливает» вино, придавая ему аромат, перед которым меркнут любые древние сорта.

— Но звук «текучей керамики» и всплеск вина звучат по-разному, — заметил Хуа Маньлоу.

— Вот потому брат Хуа и понял подвох, а я — нет, — хохотнул Лу Сяофэн.

— Позволь мне наполнить твою чашу, друг, — предложил Хуа Маньлоу.

Он мягко подтолкнул дно жбана левой рукой, приподнимая его, а правой перехватил корпус и плавным, тягучим движением разлил вино. Несмотря на громоздкость сосуда, в его руках тот казался невесомым. В этом жесте было столько изящества, что зрители невольно затаили дыхание.

Хуа наполнил чашу Лу Сяофэна, затем легким взмахом рукава наклонил горлышко над второй. Когда он поставил жбан на место, ни одна капля не пролилась мимо, ни единого всплеска не вырвалось за края чаш.

Присутствующие замерли в немом восхищении. Кто в этом мире способен на столь филигранный контроль внутренней энергии? И ведь этот человек... слеп.

— Если бы я не знал об этом заранее, — произнёс глава Терема, — я бы никогда не поверил, что господин Хуа лишен зрения. Даже сейчас я начинаю в этом сомневаться.

— Когда сердце зряче, очи ясны, — ответил Хуа Маньлоу.

Они с Лу Сяофэном обменялись понимающими взглядами и подняли чаши:

— Благодарим за угощение!

Вино исчезло в один глоток.

— Клянусь, лучше этой «Бамбуковой зелени» нет ничего на свете! — выдохнули они.

Лу Сяофэн буквально лучился от восторга. Встреча с великим вином волновала его сердце сильнее, чем свидание с самой прекрасной женщиной.

— Изысканное вино — лишь для изысканных людей, — кивнул старик. — Однако до меня дошли слухи... Боюсь, изысканных людей в мире становится всё меньше.

— О чём вы? — любопытно спросил Лу Сяофэн.

— Сегодня по дороге назад я видел одного человека.

— Я каждый день вижу толпы людей, — хмыкнул Лу. — Вот когда я не вижу никого — это редкость.

Но глава покачал головой:

— Обычных людей много. Но этот — совсем иного склада.

— Неужели тот самый «изысканный человек» из ваших речей? — догадался Хуа Маньлоу.

— Именно. Другого такого во всём мире не сыскать. А если и явится второй, в итоге всё равно останется только один.

В голове Лу Сяофэна всплыл знакомый образ.

— Потому что его меч, — припечатал старик, — никогда не согласится на второе место.

— Симэнь Чуйсюэ, — выдохнул Лу Сяофэн.

— Он самый.

— Симэнь Чуйсюэ не покидает Поместье десяти тысяч слив без веской причины, — заметил Хуа Маньлоу. — Только если вызван на бой.

Глава Терема вновь покачал головой:

— Говорят, меч Симэнь Чуйсюэ создан лишь для того, чтобы забирать жизни. Но в этот раз люди ошибаются.

— Почему?

— Потому что я узнал: в этот раз он вышел не убивать. Он идёт спасать.

— Кого? — в один голос спросили друзья.

— Женщину и ребёнка.

Хуа Маньлоу нахмурился:

— Женщину и ребёнка?

— Да. Женщину и ребёнка. И хотя между ними мало общего, их объединяет одно.

— И что же?

Глава Терема едва заметно улыбнулся:

— И женщина, и ребёнок носят фамилию Сунь.

Сунь.

Сердце Лу Сяофэна пропустило удар.

Людей с фамилией Сунь в мире великое множество. Но была одна женщина, ради которой Симэнь Чуйсюэ мог отправиться в путь. И до сих пор она была единственной.

Теперь же их стало двое.

<http://bllate.org/book/17403/1657364>